

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

С.В. Иванов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать –

20 мая 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 августа 2018 г.

Рассматривается ряд проблем юридического регулирования и правоприменительной практики в сфере реализации института конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Ключевые слова

Ответственность, преступление, государственное единство, территориальная целостность, конституционная ценность

CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST STATE UNITY AND TERRITORIAL INTEGRITY OF RUSSIA

Svyatoslav V. Ivanov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 April 15

Accepted – 2018 May 20

Available online – 2018 August 20

The subject. The article is devoted to the issues of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of the Russian Federation.

The purpose of the article is to reveal the actual problems of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of the Russian Federation.

The methodology of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, comparative method, description) as well as particular academic methods (formal-legal method, interpretation of legal acts).

Keywords

Responsibility, crime, state unity, territorial integrity, constitutional value

Results, scope. The article contains the analysis of the position of the state unity and territorial integrity of the Russian Federation among the objects of constitutional legal and criminal legal support. The specific features of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of Russia are determined. Actual problems of constitutional legal responsibility of the President of the Russian Federation, Russian citizens, refugees, electoral candidates for crimes against its state unity and territorial integrity are revealed.

Conclusions. It is necessary to improve the current constitutional legislation in order to eliminate the existing problems of constitutional legal responsibility for crimes against the state unity and territorial integrity of the Russian Federation. For this purpose it is necessary to add the grounds for impeachment of the President of the Russian Federation by the fact of commission of crime against its state unity and territorial integrity. It is also necessary to eliminate the legal inequality of citizens formed as a result of the introduction of constitutional and legal responsibility of naturalized citizens for committing crimes defined by law.

1. Введение

Институт конституционно-правовой ответственности стремительно развивается, но остается недостаточно исследованным компонентом отечественного конституционного права. На практике обеспечение конституционных ценностей отраслевыми средствами (в частности, уголовно-правовыми) становится недостаточно эффективным без надлежащего применения мер конституционно-правового принуждения, среди которых ключевым значением обладает именно конституционно-правовая ответственность. Одним из актуальных вопросов в современной конституционно-правовой науке является проблематика конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

2. Государственное единство и территориальная целостность Российской Федерации как объекты конституционно-правового обеспечения

Государственное единство Российской Федерации проявляется в конституционной неделимости государственной власти России и характеризуется ее единством, а также наличием единого и исключительного ее источника – многонационального народа Российской Федерации. В свою очередь, территориальная целостность России проявляется в нерушимости ее государственных границ, неотчуждаемости государственной территории [1, с. 92].

В свою очередь, территориальная целостность России проявляется в нерушимости ее государственных границ, неотчуждаемости государственной территории – пространственного предела действия государственного суверенитета Российской Федерации в пределах ее государственных границ, включающего в себя сушу, воды, недра и воздушное пространство (ст. 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»¹).

В этом качестве государственное единство России и ее территориальная целостность являют собой теснейшим образом взаимосвязанные конституционные ценности – притом приоритетные, т. е. обладающие ведущим значением в обеспечении наивысшей конституционной ценности – прав и свобод человека. Это значение было установлено в правовой позиции Конституционного Суда РФ: «Государственная целостность – важное условие равного правового статуса всех граждан независимо от места их проживания, одна из гарантий их конституционных прав и свобод»². Сказанное означает приоритетное положение государственного единства и территориальной целостности России среди отечественных конституционных ценностей.

Данные конституционные ценности обеспечиваются системой специальных конституционно-правовых гарантий. В их числе прежде всего следует выделять конституционно-правовые гарантии государственного единства Российской Федерации:

- 1) конституционно-правовые гарантии высшей юридической силы Конституции РФ и верховенства федерального законодательства;
- 2) конституционное закрепление статуса многонационального народа Российской Федерации в качестве носителя и единственного источника власти в России;
- 3) конституционно-правовой режим государственного языка Российской Федерации;
- 4) конституционно-правовые основы национальной идеологии Российской Федерации;
- 5) конституционно-правовые гарантии реального волеизъявления многонационального народа Российской Федерации;
- 6) оптимальное разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами;

¹ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. 4 мая.

² Постановление Конституционного Суда от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований

на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.

7) самостоятельное осуществление субъектами Российской Федерации принадлежащих им полномочий;

8) учет мнения субъектов Российской Федерации в процессе конституционного законотворчества и федерального нормотворчества по вопросам совместного ведения;

9) конституционно-правовые гарантии принципа разделения государственной власти и принципа единства государственной власти как свойства суверенитета;

10) согласительные процедуры;

11) конституционно-правовые гарантии единства экономического пространства;

12) выравнивание уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации;

13) федеральное вмешательство.

Среди конституционно-правовых гарантий территориальной целостности Российской Федерации следует выделять следующие:

1) конституционное закрепление субъектного состава Российской Федерации и запрета сецессии;

2) территориальная целостность субъектов Российской Федерации;

3) запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Вместе с тем совершение преступлений, направленных на нарушение государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, влечет за собой установленную уголовным законом ответственность. Тем самым данные конституционные ценности подлежат не только конституционно-правовому, но и уголовно-правовому обеспечению (охране) [2].

3. Государственное единство и территориальная целостность Российской Федерации как объекты уголовно-правовой охраны

В УК РФ³ прямо не упоминается понятие «единство». Вместе с тем в нем закреплены составы преступлений, направленных на нарушение территориальной целостности: это вооруженный мятеж (ст. 279), поскольку среди целей данного общественно опасного деяния прямо закреплено нарушение территориальной целостности (наряду со свержением либо насильственным изменением конституционного строя, что непосредственно связано с

угрозой государственному единству), а также публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1).

Нарушение территориальной целостности следует отличать от посягательства на неприкосновенность государственной границы Российской Федерации, которая выступает объектом состава противоправного изменения государственной границы Российской Федерации (ст. 323). Между тем, исходя из официальной дефиниции государственной границы Российской Федерации, она представляет собой линию и проходящую по ней вертикальную поверхность, определяющую пределы государственной территории России (ст. 1 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации»). Сказанное позволяет прийти к выводу, что посягательство на неприкосновенность государственной границы Российской Федерации может рассматриваться в качестве одной из форм нарушения территориальной неприкосновенности (но не территориальной целостности) Российской Федерации [3, с. 46].

Однако было бы в корне неверным на основании отсутствия в отечественном уголовном законе буквального упоминания государственного единства утверждать, что в УК РФ не нашлось места составам преступлений, объектом которых выступают общественные отношения в сфере обеспечения этой конституционной ценности. Исходя из сформулированного выше определения государственного единства Российской Федерации, к числу преступлений против связанных с обеспечением этой ценности общественных отношений можно отнести все общественно опасные деяния, покушающиеся на такие оговоренные в Конституции РФ незыблемые основы конституционного строя, как народовластие (ст. 3), исключительность суверенитета Российской Федерации (имеющего одним из своих свойств государственное единство России [4, с. 11]) (ч. 1 ст. 4), государственная целостность, единство системы государственной власти (ч. 3 ст. 5), разделение государственной власти на ветви (ст. 10, 11), недопустимость создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых носят экстремистский характер, тем самым подрывающих единство многонационального народа Российской Федерации и другие составляющие государственного единства, целостность России (ч. 5 ст. 13).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г., с изм. от 25 ап-

реля 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Следует оговорить, что Конституция РФ в ст. 13 не содержит упоминаний об экстремистской деятельности, однако именно об организациях экстремистского толка говорится в ее ч. 5, исходя из системного толкования данного конституционного положения и официальной дефиниции экстремистской деятельности, сформулированной в п. 1 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»⁴ (далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»).

Исходя из этого можно с логической последовательностью прийти к выводу, что все преступления, имеющие своим объектом общественные отношения в сфере обеспечения основ конституционного строя в целом, могут быть отнесены к числу преступлений, направленных на нарушение государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации. В связи с этим следует задать вопрос: относятся ли к преступлениям против государственного единства и территориальной целостности все общественно опасные деяния, составы которых закреплены в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»? Ответ на этот вопрос не может быть получен без соотношения понятий «государственное единство», «территориальная целостность» и «государственная (национальная) безопасность».

В частности, общеизвестно, что непосредственным объектом государственной измены (ст. 275 УК РФ) выступают общественные отношения в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации. Можно ли рассматривать среди объектов данного преступления общественные отношения, связанные с гарантированием государственного единства и территориальной целостности России?

Согласно действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁵ под последней понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается ряд правовых и социально-экономических ценностей, среди которых упомянута «государственная и территориальная целостность» (абз. 2 п. 6). К основным угрозам государственной и общественной безопасности

Стратегия относит, в частности, деятельность радикальных общественных объединений и группировок, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, ослабление единства многонационального народа Российской Федерации (абз. 4 п. 43, п. 79), а для предотвращения данных угроз Российская Федерация проводит политику укрепления внутреннего единства российского общества, включая историческое и культурное единство народов России (п. 26, 78, 82). Следовательно, официально признана глубокая взаимозависимость государственной (национальной) безопасности, государственного единства и территориальной целостности, при этом национальная безопасность рассматривается в качестве более широкого понятия.

Представляется, что в этом отношении следует поддерживать позицию С.Н. Бабурина, включающего территориальную целостность в число элементов безопасности территории [5, с. 65]. Исходя из вышесказанного, покушение на государственную (национальную) безопасность в целом может распространяться на отдельные ее аспекты, в том числе единство многонационального народа Российской Федерации, иные элементы государственного единства, территориальную целостность.

В связи с этим совершение всякого угрожающего государственной безопасности преступления, могущего послужить складыванию условий, способных привести «к дестабилизации обстановки в государстве и его дальнейшему распаду» [6, с. 6], следует рассматривать как покушение на государственное единство Российской Федерации и ее территориальную целостность как важнейшие конституционные ценности. Поэтому мы придерживаемся позиции Н.В. Остроухова, рассматривающего территориальную целостность среди основных объектов преступлений, посягающих на безопасность государства [6].

Представляется также, что, поскольку идеология и практика терроризма предполагают воздействие на принятие решения органами государственной власти (п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»⁶, далее – ФЗ «О противодействии терроризму»), преступления террористи-

⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23 ноября 2015 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁵ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федера-

ции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁶ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

ческой направленности также направлены на подрыв не только общественной и национальной безопасности, но и государственного суверенитета, имеющего одним из своих неотъемлемых свойств единство государственной власти, а в ряде случаев – и территориальной целостности. По этой причине к числу преступлений против государственного единства следует относить террористический акт и иные способствующие распространению идеологии и практики терроризма общественно опасные деяния в понимании, выявленном в ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1⁷. Это преступления, предусмотренные ст. 205–206, 208, 211 (ч. 4), 277–280, 282.1–282.3 УК РФ. Законодатель относит к числу преступлений террористической направленности также деяния, предусмотренные ст. 220, 221, 360 и 361 УК РФ, однако к числу их объектов нельзя причислить государственное единство и территориальную целостность, а лишь общественную безопасность в сфере оборота ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 220, 221), интересы мира (ст. 360, 361) и некоторые дополнительные объекты – жизнь, здоровье граждан, личность, отношения собственности [7, с. 114, 117, 690].

В связи с этим следует отметить, что отсутствие прямого упоминания государственного единства и территориальной целостности среди объектов преступления в соответствующих составах общественно опасных деяний террористической направленности не помешало Верховному Суду РФ сформулировать правовую позицию о том, что среди целей незаконного вооруженного формирования согласно ст. 208 УК РФ могут наличествовать совершение террористических актов, насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение территориальной целостности Российской Федерации (абз. 2 п. 23 вышеуказанного Постановления).

Исходя из вышесказанного, возможно классифицировать указанные в УК РФ преступления, посягающие на государственное единство и территориальную целостность, по следующим основаниям:

1. В зависимости от объекта преступления:

1. Преступления против государственного единства Российской Федерации: насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282).

2. Преступления против территориальной целостности Российской Федерации – публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1).

3. Преступления, посягающие равно на государственное единство и территориальную целостность России как основы конституционного строя и компоненты национальной безопасности. Это преступления против национальной безопасности Российской Федерации, совершение которых служит складыванию условий для нарушения ее государственного единства и территориальной целостности: террористический акт (ст. 205); содействие террористической деятельности (ст. 205.1); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2); прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3); организация террористического сообщества или участие в нем (ст. 205.4); организация деятельности террористической организации и участие в ее деятельности (ст. 205.5); несообщение о преступлении (ст. 205.6); захват заложника (ст. 206); организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженный с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности (ч. 4 ст. 211); государственная измена (ст. 275); шпионаж (ст. 276); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); вооруженный мятеж (ст. 279); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280); диверсия (ст. 281); организация экстремистского сообщества (ст. 282.1); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3); разглашение государственной тайны (ст. 283); незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284); осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284.1).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по

уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

II. В зависимости от характера и степени общественной опасности:

1. Особо тяжкие преступления (ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4 (ч. 1), 205.5, 206 (ч. 2–4), 208, 211 (ч. 4), 275–279, 281, 282.1 (ч. 3), 282.2 (ч. 3));

2. Тяжкие преступления (ст. 205.2 (ч. 2), 205.4 (ч. 2), 206 (ч. 1), 282 (ч. 2), 282.1 (ч. 1–2), 282.2 (ч. 1–2), 282.3, 283 (ч. 2), 283.1 (ч. 2), 284.1);

3. Преступления средней тяжести (ст. 205.2 (ч. 1), 280, 280.1, 282 (ч. 1), 283 (ч. 1), 283.1 (ч. 1));

4. Преступления небольшой тяжести (ст. 205.6, 284).

4. Современное состояние института конституционно-правовой ответственности

Институт конституционно-правовой ответственности находится на стадии разработки и является, пожалуй, одним из малоразвитых институтов отечественной науки конституционного права. Его наличие в системе конституционного права было доказано лишь в конце XX – начале XXI в. [8, с. 27].

Вместе с тем современные исследователи до сих пор не только отводят на страницах своих трудов место весьма спорным позициям о «позитивной» конституционно-правовой ответственности [9, с. 105–110], но и причисляют к негативной конституционно-правовой ответственности меры, не имеющие своим фактическим основанием совершение конституционного деликта.

Так, С.А. Авакьян относит к конституционно-правовой ответственности роспуск Государственной Думы Президентом РФ [9, с. 120]. Между тем закрытый перечень оснований для такого роспуска устанавливается исключительно Конституцией РФ (ст. 109 (ч. 1), 111 (ч. 4), 117 (ч. 3, 4)). Ни одно из этих оснований не связано с совершением конституционно-правового нарушения. Первый случай связан с повторным (в третий раз) отклонением Государственной Думой представленных Президентом РФ кандидатур Председателя Правительства РФ, второй – с повторным выражением ею недоверия Правительству РФ, третий – с отказом ему в доверии. Всё это – обычные парламентские процедуры, которые не могут быть расценены в качестве деликтов, а лишь как ординарные полномочия федерального парламента.

Между тем юридическая ответственность как особого рода правоотношение имеет в числе своих участников, с одной стороны, обязанного подвергнуться негативным мерам юридического характера правонарушителя (субъект юридической ответственности), а с другой – орган государственной власти или

должностное лицо, уполномоченное применять к первому таковые меры (инстанцию юридической ответственности), т. е. фактическим основанием для возникновения юридической ответственности всегда является совершение правонарушения [10, с. 235].

По этой причине следует отличать конституционно-правовую ответственность от иных форм конституционно-правового принуждения. Это означает, что необходимо правильно определить место конституционно-правовой ответственности в системе конституционно-правового принуждения, которое выступает родовым понятием по отношению к первой.

Иначе говоря, по верному суждению А.И. Казанника, «основанием для привлечения к конституционно-правовой ответственности является наличие в деянии деликтоспособного субъекта конституционных правоотношений объективных и субъективных признаков, образующих состав конституционного правонарушения» [11, с. 130]. Если налицо виновно совершённое деяние субъекта конституционно-правовых отношений, угрожающее общественным отношениям в сфере регулирования конституционных устоев общества и государства, закрепления основ правового статуса индивида, установления системы государственной власти и ее политико-территориальной организации, требуется принятие мер конституционно-правовой ответственности.

К числу мер конституционно-правовой ответственности, таким образом, могут быть отнесены: 1) лишение и аннулирование гражданства, 2) лишение и аннулирование политического убежища, 3) расформирование избирательной комиссии, 4) лишение аккредитации иностранных наблюдателей на выборах, 5) ликвидация политических партий, религиозных и общественных объединений, 6) досрочное прекращение полномочий органа (должностного лица) государственной власти или местного самоуправления [11, с. 132–140]. Все прочие меры конституционно-правового принуждения носят предупредительный, пресекающий, восстановительный характер [8]. Нетрудно заметить, что далеко не все приведенные меры конституционно-правовой ответственности наступают за совершение общественно опасного деяния.

5. Специфические признаки конституционно-правовой ответственности за совершение преступления против государственного единства и территориальной целостности России

Объектом общественно опасных деяний, выступающих основаниями для привлечения к конституционно-правовой ответственности, в рамках

настоящей статьи рассматриваются общественные отношения, связанные с обеспечением важнейших (обладающих приоритетным положением в конституционной аксиологической иерархии) конституционных ценностей – государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации.

При этом основание для привлечения к конституционно-правовой ответственности, связанное с совершением преступления против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации, отнюдь не ограничивается фактом совершения деяния, содержащего в себе признаки соответствующего состава преступления. Как правило, для привлечения к той или иной форме конституционно-правовой ответственности в подобном случае требуется предварительное вступление в юридическую силу обвинительного приговора суда общей юрисдикции.

Вместе с тем, по верному замечанию Ю.А. Ливадной, в случае с привлечением к конституционно-правовой ответственности специальных субъектов в лице единоличных органов государственной власти и должностных лиц, обладающих неприкосновенностью, наблюдается обратная последовательность «наступления конституционной и уголовной ответственности за совершение конституционно-правового деликта, одновременно имеющего признаки преступления. Речь идет о том, что в данном случае лицо, наделенное неприкосновенностью, будь то государственный орган (президент) или должностное лицо (депутат, судья), становится субъектом уголовной ответственности только после лишения его специального статуса в ходе применения конституционно-правовых санкций» [12, с. 120].

Исследователь верно подметил: зачастую, помимо факта совершения преступления, среди оснований для привлечения к конституционно-правовой ответственности имеется совпадающий по составу с уголовно наказуемым деянием конституционно-правовой деликт. В частности, как будет показано ниже, натурализовавшееся лицо подлежит конституционно-правовой ответственности в форме отмены решения о принятии в гражданство на основании такого деликта, как сообщение заведомо ложных сведений касательно обязательства соблюдать Конституцию РФ и текущее российское законодательство. При этом к данному конституционно-правовому нарушению законодателем приравнивается факт совершения предусмотренных законом преступлений, установленный вступившим в законную силу обвинительным приговором.

Все преступления против государственного единства и территориальной целостности России, совершение которых выступает одним из оснований конституционно-правовой ответственности, исходя из положений текущего законодательства, совершаются с прямым умыслом.

Субъектом такой конституционно-правовой ответственности всегда выступает физическое лицо, при этом субъект специальный – Президент РФ и иные единоличные органы государственной власти и должностные лица, натурализовавшиеся граждане Российской Федерации, беженцы, единоличные субъекты избирательного процесса.

Инстанциями конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации выступают органы государственной власти – Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Министерство внутренних дел, суды общей юрисдикции и др.

6. Конституционно-правовая ответственность за совершение преступления против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации: актуальные проблемы

6.1. Ответственность Президента РФ

Президент РФ несет конституционно-правовую ответственность в форме отрешения от должности за совершение деяния, содержащего признаки состава государственной измены или иного тяжкого преступления (ст. 93 Конституции РФ).

Это соответствует сложившейся в России форме правления, которую одни исследователи характеризуют как смешанную президентско-парламентскую [11, с. 300], а другие – как суперпрезидентскую [13] республику. Глава государства не несет никакой политической ответственности перед законодательной властью, а лишь юридическую (конституционно-правовую) ответственность за совершение тяжких преступлений.

Инстанцией конституционно-правовой ответственности Президента РФ выступает верхняя палата федерального парламента – Совет Федерации Федерального Собрания РФ. Государственная Дума лишь выдвигает обвинение против главы государства, в то время как роль высших судов в этом механизме заключается в выработке заключений о наличии в его действиях признаков состава тяжкого преступления (Верховный Суд РФ), о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения (Конституционный Суд РФ). При этом вся процедура должна занимать не более трех месяцев с момента выдвижения обви-

нения до принятия решения об отрешении Президента РФ от должности.

Исследователи отмечают ряд изъянов конструкции института отрешения Президента РФ от должности:

1. Недостаточность оснований для привлечения его к конституционно-правовой ответственности: «Президент РФ вправе безнаказанно совершать умышленные преступления, предусматривающие наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет, и неосторожные преступления, за совершение которых предусмотрено более строгое наказание, в том числе преступления, повлекшие гибель двух или более лиц, и оставаться Президентом» [14, с. 22]. Кроме того, глава государства не несет никакой юридической ответственности за нарушение Конституции РФ, федеральных законов, данной им при вступлении в должность присяги [15, с. 27]. Последнее положение играет новыми красками в контексте последних законодательных поправок, согласно которым натурализовавшиеся «простые смертные» несут конституционно-правовую ответственность фактически за нарушение данной ими присяги в форме отмены решения о принятии в гражданство Российской Федерации⁸.

При этом едва ли можно согласиться с исследователями, полагающими конституционным пробелом отсутствие среди оснований импичмента особо тяжких преступлений [16, с. 19], поскольку дальнейшая дифференциация составов преступлений в текущем уголовном законодательстве не должна автоматически влечь за собой все новые конституционные поправки. Это ставило бы стабильность Конституции РФ в зависимость от изменчивого ординарного законотворчества. Вместе с тем вполне допустимой была бы формулировка в ч. 1 ст. 93 Конституции РФ о совершении тяжкого преступления или общественно опасного деяния большей степени тяжести как основании отрешения Президента РФ от должности. Уязвима также позиция о необходимости привлекать главу государства за любое нарушение текущего законодательства, поскольку такой масштаб оснований его конституционно-правовой ответственности не отвечает сложившейся в стране форме правления.

2. Множественность субъектов, участвующих в процедуре импичмента, в сочетании со сверхкоротким сроком реализации механизма конституционно-правовой ответственности делает проведение данной процедуры практически нереализуемым [17, с. 29].

3. Политический фактор – зависимость участников процедуры импичмента непосредственно от фигуры Президента РФ [18, с. 54]. Речь идет не только и не столько о наличии в Государственной Думе Федерального Собрания РФ численно преобладающей правящей партии, сколько об остающейся достаточно высокой роли главы государства в наделении полномочиями и освобождении от должности глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, которые определяют кандидатуры половины состава Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в представлении Совету Федерации кандидатур для назначения на должность судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ (п. «е» ст. 83 Конституции РФ). Наконец, с последней конституционной поправкой⁹ глава государства уполномочен непосредственно назначать членов Совета Федерации – представителей Российской Федерации в количестве не более 10 % от числа прочих членов палаты (ч. 2 ст. 95 Конституции РФ). Их голоса могут стать решающими для недопущения конституционно-правовой ответственности Президента РФ на финальном этапе принятия решения верхней палатой.

4. Отсутствие прав следственных органов у специальной комиссии Государственной Думы, образуемой для подготовки решения Государственной Думы о выдвижении обвинения против Президента РФ, притом что в США, к примеру, предусмотрена следственная процедура этого вопроса [14, с. 24].

5. Чрезмерный уровень дискреции палат Федерального Собрания при нормотворчестве в пределах своих регламентов в сфере определения процедурных моментов реализации механизма конституционно-правовой ответственности главы государства в части конкретизации их участия на этапе выдвижения обвинения. Сказанное приводит к тому, что Государственная Дума направляет постановление о выдвижении обвинения против Президента РФ одновременно в Совет Федерации и для дачи заключе-

⁸ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” и статьи 8 и 14 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4792.

⁹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4202.

ния в Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ (ч. 10 ст. 180 Регламента Государственной Думы¹⁰).

Вместе с тем допустимость запроса в Конституционный Суд РФ о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления поставлена федеральным законодателем (в лице тех же палат, что принимают собственные регламенты) в зависимости от наличия заключения Верховного Суда РФ о присутствии в действиях главы государства признаков соответствующего преступления (ст. 108 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹¹, далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Сам же запрос в федеральный орган конституционного контроля может быть направлен исключительно Советом Федерации (ст. 107 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Тем самым сформированы все предпосылки для того, чтобы Конституционный Суд РФ закономерно принял заключение о несоблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ (п. «б» ч. 1 ст. 110 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») при полном соблюдении палатами положений собственных регламентов в ходе реализации механизма привлечения главы государства к конституционной ответственности. Таким образом, «без изменения ст. 180 Регламента Государственной Думы установленный порядок выдвижения обвинения в принципе не может быть признан Конституционным Судом РФ соблюденным», а реализация положений гл. XV ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» становится весьма маловероятной [17, с. 30, 31].

Все обозначенные проблемы носят принципиальный характер, что проявляется в практической невозможности привлечения Президента РФ к конституционной ответственности. Особое внимание обращает на себя тот факт, что глава государства как гарант Конституции РФ, призванный предпринимать в случае необходимости меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности (ч. 1, 2 ст. 80 Конституции РФ), не несет никакой юридической ответствен-

ности за совершение таких преступлений, как публичное оправдание и пропаганда терроризма, несообщение о преступлении террористической направленности, публичные призывы к осуществлению террористической, экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности Российской Федерации, разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 205.2 (ч. 1), 205.6, 280, 280.1, 283 (ч. 1), 284 УК РФ).

6.2. Ответственность граждан Российской Федерации и беженцев

Конституция РФ прямо исключает возможность введения института конституционно-правовой ответственности граждан в форме лишения их гражданства или права изменить его (ч. 3 ст. 6).

Вместе с тем не исключена конституционно-правовая ответственность в форме отмены решения о принятии в гражданство Российской Федерации по предусмотренным законом основаниям. А согласно последним поправкам в конституционное законодательство круг этих оснований (представление заявителем подложных документов или заведомо ложных сведений) был расширен фактом отказа заявителя от принесения присяги, а также фактом сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство (ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»¹², далее – ФЗ «О гражданстве РФ»). Последнее из названных оснований может проявляться в совершении натурализующимся лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2 (ч. 2), 205.3–205.5, 206, 208, 211 (ч. 4), 281, 282.1–282.3 и 361 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 277–279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности (ч. 2 ст. 22 ФЗ «О гражданстве РФ»). Нетрудно заметить, что одним из объектов подавляющего большинства перечисленных составов преступ-

¹⁰ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД (ред. от 23 марта 2018 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

¹¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2016 г.) «О Конституционном

Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

¹² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

лений выступают общественные отношения, связанные с обеспечением государственного единства и территориальной целостности России.

Таким образом, факт совершения хотя бы одного из перечисленных преступлений лицом, принятым в российское гражданство и принесшим присягу, с точки зрения отечественного конституционализма, выступает одной из форм сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и российское законодательство. Данное конституционно-правовое обязательство непосредственно связано с институтом присяги лица, приобретающего гражданство Российской Федерации (ст. 11.1 ФЗ «О гражданстве РФ»). Следовательно, основанием конституционно-правовой ответственности натурализовавшегося лица фактически является нарушение принесенной после принятия решения о приобретении заявителем гражданства Российской Федерации присяги в части принятия обязательства соблюдать Конституцию и законодательство России.

Нарушение присяги как основание конституционно-правовой ответственности натурализовавшихся граждан ставит их в неравное положение с прочими гражданами Российской Федерации в зависимости от основания приобретения гражданства, что противоречит конституционному принципу равенства граждан (ч. 1 ст. 6 Конституции РФ). Ведь конституционная обязанность соблюдать Конституцию РФ и текущее законодательство распространяется в равной степени на всех российских граждан (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ), но негативные последствия в форме конституционно-правовой ответственности почему-то распространяются лишь на натурализующихся лиц, принесших присягу. При этом далеко не каждый заявитель обладает обязанностью принесения присяги – от нее освобождены не только несовершеннолетние, недееспособные и неспособные по состоянию здоровья заявителя, но и любые категории лиц, самостоятельно определенные Президентом РФ (ч. 2 ст. 11.1 ФЗ «О гражданстве РФ»).

Исходя из сказанного субъект конституционно-правовой ответственности – дееспособное совершеннолетнее на момент принесения присяги лицо, принятое в гражданство Российской Федерации и впоследствии принесшее присягу, в отношении которого судом установлен факт сообщения заведомо

ложных сведений касательно обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство Российской Федерации. При этом законодатель объективно закрепил положение о том, что установленный приговором факт совершения хотя бы одного из вышеуказанных преступлений лишь «*приравнивается*» к установлению судом факта сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и текущее законодательство (ч. 2 ст. 22 ФЗ «О гражданстве РФ»). Следовательно, не исключена возможность иной формы судебного установления такого факта.

Инстанцией данной формы конституционно-правовой ответственности выступает Президент РФ либо Министерство внутренних дел (ст. 23 ФЗ «О гражданстве РФ»).

Данное нововведение напоминает конституционную обязанность советских граждан «с достоинством нести высокое звание советского гражданина», нарушение которой могло повлечь за собой лишение гражданства в случае совершения действий, порочащих это высокое звание и наносящих ущерб «престижу или государственной безопасности СССР» (ст. 18 Закона СССР «О гражданстве СССР»¹³). Но, в отличие от современного конституционализма, в СССР данная обязанность была равной и не предполагала ее наступление после принесения специальной присяги, т. е. возникновение в результате волеизъявления отдельной категории граждан – некоторых натурализующихся лиц.

Политические основания проведенной реформы конституционно-правового института гражданства Российской Федерации в части ответственности натурализовавшихся граждан очевидны. Возвращение в страну граждан Российской Федерации, отправившихся в регионы с повышенной террористической активностью пополнять ряды членов радикальных исламистских террористических структур, стало крупномасштабной угрозой национальной безопасности [19, с. 50]. О необходимости перекрыть каналы въезда и выезда террористов из России Президент РФ В.В. Путин говорил, выступая на заседании Коллегии ФСБ России, еще в марте 2015 г.¹⁴ Ситуация осложнена тем, что конституционный запрет лишения гражданства относится к основам конституционного строя Российской Федерации и может быть пересмотрен лишь путем принятия но-

¹³ Закон СССР от 1 декабря 1978 г. № 8497-IX «О гражданстве СССР» // Ведомости ВС СССР. 1978. № 49. Ст. 816.

¹⁴ Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании коллегии Федеральной службы безопасности 26 марта

вой Конституции (ст. 135 Конституции РФ). В результате на самом высоком уровне неприкрыто совершаются отчаянные попытки обходить Конституцию РФ.

Конституции ряда зарубежных государств прямо закрепляют институт лишения гражданства либо предусматривают возможность его введения (Португалия¹⁵, Италия¹⁶), что соответствует Всеобщей декларации прав человека (ч. 2 ст. 15)¹⁷. Безусловно, особое геополитическое положение России диктует необходимость неуклонного, эффективного обеспечения национальной безопасности. Представляется, что дальнейшее развитие отечественного конституционализма в части института российского гражданства должно проходить в одном из двух направлений – либо путем отмены сомнительного института конституционно-правовой ответственности некоторых натурализованных лиц за фактическое нарушение данной ими присяги, либо путем закрепления института лишения гражданства в строго определенных Конституцией РФ случаях, связанных с исходящей от гражданина воплощенной в конкретных деяниях угрозой национальной безопасности, единству и территориальной целостности страны.

Беженцы несут конституционно-правовую ответственность в форме лишения статуса беженца на основании вступившего в силу приговора суда за совершение преступления на территории Российской Федерации вне зависимости от объекта, характера и степени общественной опасности такого деяния (пп. 1 п. 2 ст. 9 Федерального закона «О беженцах»¹⁸). Инстанцией конституционно-правовой ответственности в данном случае выступает Министерство внутренних дел¹⁹. Вступление соответствующего приговора было в 2004 г. исключено из числа оснований такой конституционно-правовой ответственности, как лишение статуса вынужденного переселенца²⁰.

6.3. Ответственность зарегистрированного кандидата на выборах

Кандидат на выборах несет конституционно-правовую ответственность за совершение предусмотренных законодателем преступлений, факт которого должен быть установлен вступившим в юридическую силу приговором суда, ввиду утраты пассивного избирательного права.

Конституция РФ в этом вопросе категорична: она закрепила закрытый перечень оснований ограничения субъективного избирательного права в ст. 32 (ч. 3). Активного и пассивного избирательного права лишены те граждане Российской Федерации, которые были признаны недееспособными в судебном порядке, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Вместе с тем федеральный законодатель существенно расширил круг оснований для ограничения пассивного избирательного права, связанных с нарушением уголовного закона. Согласно действующему федеральному законодательству не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, не только содержащиеся в местах лишения свободы, но и имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений в случае, если эти граждане были приговорены к лишению свободы. Кроме того, после снятия или погашения подобной судимости такой гражданин остается лишенным избирательного права в течение определенного законодателем срока. Наконец, не имеет права быть избранным гражданин, осужденный «за совершение преступлений экстремистской направленности» при наличии на день голосования на выборах неснятой или непогашенной судимости – если такие преступления не относятся к числу тяжких или особо тяжких (пп. «а» – «б» п. 3.2 ст. 4 Федераль-

2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49006>.

¹⁵ Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 2. С. 754.

¹⁶ Там же. С. 107.

¹⁷ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 (ред. от 22 декабря 2014 г.) «О беженцах» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 3 мая 2018 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внут-

ренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52 (Ч. V). Ст. 7614.

²⁰ Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г.) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 35. Ст. 3607.

ного закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»²¹, далее – ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...»).

Зарегистрированный кандидат лишается своего статуса в случае утраты пассивного избирательного права по этим (или иным) основаниям в ходе аннулирования регистрации кандидата зарегистрировавшей его избирательной комиссией либо отмены решения о его регистрации судом (п. 3, пп. «а» п. 7 ст. 76 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...»). Таким образом, эти государственные органы выступают инстанциями конституционно-правовой ответственности кандидата.

Законодатель не совсем последователен, употребляя формулировку «преступления экстремистской направленности», что вынуждает исследователя и правоприменителя обращаться к ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ФЗ «О противодействии терроризму». В первом из названных законов не перечислены составы преступлений, причисляемых законодателем к числу экстремистских. В связи с этим авторы постатейного комментария к ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» относят к их числу вышеперечисленные составы, указанные в ч. 1 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» [20]. Вместе с тем в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» ясно выражено, что к экстремизму относимы все преступления, совершённые по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что, безусловно, угрожает единству многонационального народа России). К таким преступлениям согласно действующему уголовному закону относятся и квалифицированные виды убийства, причинения вреда здоровью разной степени тяжести, побоев, истязания, хулиганства и др. Однако едва ли можно рассматривать общественные отношения по обеспечению государственного единства в целом объектом таких общественно опасных деяний.

²¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 18 апреля 2018 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона

Конституционный Суд РФ признал соответствующим Конституции данное ограничение пассивного избирательного права постольку, поскольку оно не будет являться бессрочным и недифференцированным²².

Вместе с тем ученые по-разному оценивают закрепление в текущем законодательстве таких оснований конституционно-правовой ответственности зарегистрированных кандидатов на выборах. Так, Н.Е. Таева полагает, что это соответствует положениям ст. 2, 18, 19, 32, 50, 55 Конституции РФ [21, с. 1088]. Е.А. Лукьянова же, напротив, решительно восклицает: «Каким должно быть неуважение и пренебрежение к Конституции, чтобы недрогнувшей рукой вопреки закрытому перечню ограничений активного избирательного права, установленному Основным Законом (ч. 3 ст. 32), подписать изменения в избирательное законодательство, расширяющее эти ограничения на время после отбытия уголовного наказания и на административные взыскания?!» [22, с. 8]. Трудно спорить с тем, что Конституция РФ (ч. 3 ст. 32 в буквальном толковании) не предполагает расширения перечня оснований для ограничения субъективного избирательного права усилиями федерального законодателя.

7. Заключение

Необходимо совершенствование действующего конституционного законодательства с целью устранения сложившихся проблем конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации. Для этого следует дополнить круг оснований для отрешения Президента РФ от должности фактом совершения им преступления против определенных объектов вне зависимости от характера и степени общественной опасности. Так, нахождение в должности главы государства несовместимо с совершением преступлений против государственного единства и территориальной целостности Российской Федерации. Недопустима ситуация, когда Президент РФ официально призван предпринимать меры по охране суверенитета и территориальной целостно-

“Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5622.

сти Российской Федерации, но не подлежит конституционно-правовой ответственности за публичные призывы к нарушению территориальной целостности или совершению экстремистских действий.

Необходимо также устранить сложившееся неравенство граждан в зависимости от основания приобретения гражданства: исключительно натурализовавшиеся лица, принесшие присягу, несут конституционно-правовую ответственность фактически за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности Россий-

ской Федерации и совершение некоторых других общественно опасных деяний.

Наконец, едва ли можно согласиться с таким основанием конституционно-правовой ответственности зарегистрированных на выборах кандидатов, как отсутствие пассивного избирательного права ввиду истечения установленных законодателем сроков после снятия или погашения судимости. Представляется, что данное ограничение субъективного избирательного права исходит из чрезмерно широкого толкования положений ст. 32 Конституции РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов С.В. Обеспечение единства и территориальной целостности России: отдельные конституционно-правовые проблемы / С.В. Иванов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 91–103. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103.
2. Иванов С.В. Понятие и сущность конституционно-правовых гарантий / С.В. Иванов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 2 (47). – С. 68–74.
3. Соколова О.В. Вопросы ответственности за преступления против порядка управления / О.В. Соколова. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 98 с.
4. Алехина Н.В. К вопросу о государственном суверенитете Российской Федерации / Н.В. Алехина // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 10. – С. 11–13.
5. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 480 с.
6. Остроухов Н.В. О понятии «территориальная целостность государств» как основном объекте преступлений, посягающих на безопасность государства / Н.В. Остроухов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2010. – № 1. – С. 3–6.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2016. – Т. 2. – 2016. – 792 с.
8. Володько И.А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Володько. – Омск, 2015. – 215 с.
9. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – Т. 1. – 864 с.
10. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
11. Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – Т. 1. – 400 с.
12. Ливадная Ю.А. Некоторые аспекты соотношения понятий конституционно-правового деликта и преступления / Ю.А. Ливадная // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 117–124. – DOI: 10.12737/20908.
13. Fish M.S. The Executive Deception: Superpresidentialism and the Degradation of Russian Politics / M.S. Fish // Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance / Ed. V. Sperling. – Boulder: Westview Press, 2000. – P. 177–192.
14. Якубов А.Е. Еще раз об отрешении Президента РФ от должности и уголовном праве / А.Е. Якубов // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 20–24.
15. Авакьян С.А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 1998. – № 1. – С. 8–40.
16. Трофимова Г.А. Основания конституционно-правовой ответственности Президента РФ / Г.А. Трофимова // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 1. – С. 17–22.
17. Зыкова Н.С. Отрешение от должности Президента РФ и участие в этой процедуре Конституционного Суда РФ / Н.С. Зыкова // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11. – С. 29–32.

18. Марино И. Отрешение Президента РФ от должности: разработки, концепции, позиции участников Конституционного совещания 1993 г. / И. Марино // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 5. – С. 47–54.

19. Керимов А.Д. О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом / А.Д. Керимов, В.В. Красинский // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 49–56.

20. Игнатов С.Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). – 2-е изд. – 2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Таева Н.Е. К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений / Н.Е. Таева // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 9. – С. 1080–1088.

22. Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации / Е.А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 15. – С. 4–10.

REFERENCES

1. Ivanov S.V. Maintenance of unity and territorial integrity of Russia: some constitutional legal problems. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 91–103. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).91-103. (In Russ.).

2. Ivanov S.V. The concept and essence of the constitutional-legal guarantees. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 2 (47), pp. 68–74. (In Russ.).

3. Sokolova O.V. *Questions of responsibility for crimes against the order of management*. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015. 98 p. (In Russ.).

4. Alekhina N.V. On the issue of state sovereignty of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 10, pp. 11–13. (In Russ.).

5. Baburin S.N. *The territory of the state. Legal and geopolitical problems*. Moscow, Moscow State University Publ., 1997. 480 p. (In Russ.).

6. Ostrouhov N.V. Notion "Territorial integrity of states" as main object of crimes threatening the security of state. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2010, no. 1, pp. 3–6. (In Russ.).

7. Brilliantov A.V. (ed.). *The comment to the Criminal code of the Russian Federation*, itemized, in 2 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2016. Vol. 2. 792 p. (In Russ.).

8. Volod'ko I.A. *Constitutional legal coercion in the Russian Federation*, Cand. Diss. Omsk, 2015. 215 p. (In Russ.).

9. Avak'yan S.A. *Constitutional law of Russia*, Educational course, in 2 volumes. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2010. Vol. 1. 864 p. (In Russ.).

10. Alekseev S.S. *Theory of law*. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p. (In Russ.).

11. Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law*, University course, in 2 volumes, 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2016. Vol. 1. 400 p. (In Russ.).

12. Livadnaya Yu.A. Some Aspects of Correlation between Definitions of Constitutional Delict and Crime. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 8, pp. 117–124. DOI: 10.12737/20908. (In Russ.).

13. Fish M.S. The Executive Deception: Superpresidentialism and the Degradation of Russian Politics, in: Sperling V. (ed.). *Building the Russian State: Institutional Crisis and the Quest for Democratic Governance*. Boulder, Westview Press, 2000, pp. 177–192.

14. Yakubov A.E. One More Time On Removal Of The President From Office And Criminal Law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 7, pp. 20–24. (In Russ.).

15. Avak'yan S.A. The President of the Russian Federation: evolution of constitutional legal status. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*, 1998, no. 1, pp. 8–40. (In Russ.).

16. Trofimova G.A. Grounds for constitutional law responsibility of the President of the RF. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2011, no. 1, pp. 17–22. (In Russ.).

17. Zyкова N.S. Impeachment of the President of the Russian Federation and participation in this procedure of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2006, no. 11, pp. 29–32. (In Russ.).

18. Marino I. Removal of the president of the RF: developments, conceptions, positions of participants of the constitutional meeting of 1993. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2010, no. 5, pp. 47–54. (In Russ.).

19. Kerimov A.D., Krasinskiy V.V. On Neutralization of Threats to Safety, Related to Penetration, to the Territory of the Russian Federation, of Members of International Terroristic Organizations and Involvement of Russian Citizens in Terroristic Activity Abroad. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 6, pp. 49–56. (In Russ.).

20. Ignatov S.L. *Comment to the Federal law of June 12, 2002 No. 67-FZ "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation"*, itemized, 2nd ed. 2014. Available at "ConsultantPlus" System. (In Russ.).

21. Taeva N.E. On the question of constitutionality of norms limiting the passive suffrage of citizens who have ever been sentenced to imprisonment for committing serious and (or) especially grave crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2013, no. 9, pp. 1080–1088. (In Russ.).

22. Luk'yanova E.A. Some problems of the Constitution of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2007, no. 15, pp. 4–10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Святослав Вячеславович – преподаватель кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-код: 3849-1200; AuthorID: 915577

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svyatoslav V. Ivanov – lecturer, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: ivanovsvyach@yandex.ru
SPIN-code: 3849-1200; AuthorID: 915577

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванов С.В. Конституционно-правовая ответственность за совершение преступлений против государственного единства и территориальной целостности России / С.В. Иванов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 25–39. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).25-39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivanov S.V. Constitutional legal responsibility for crimes against state unity and territorial integrity of Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 25–39. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(2).25-39. (In Russ.).